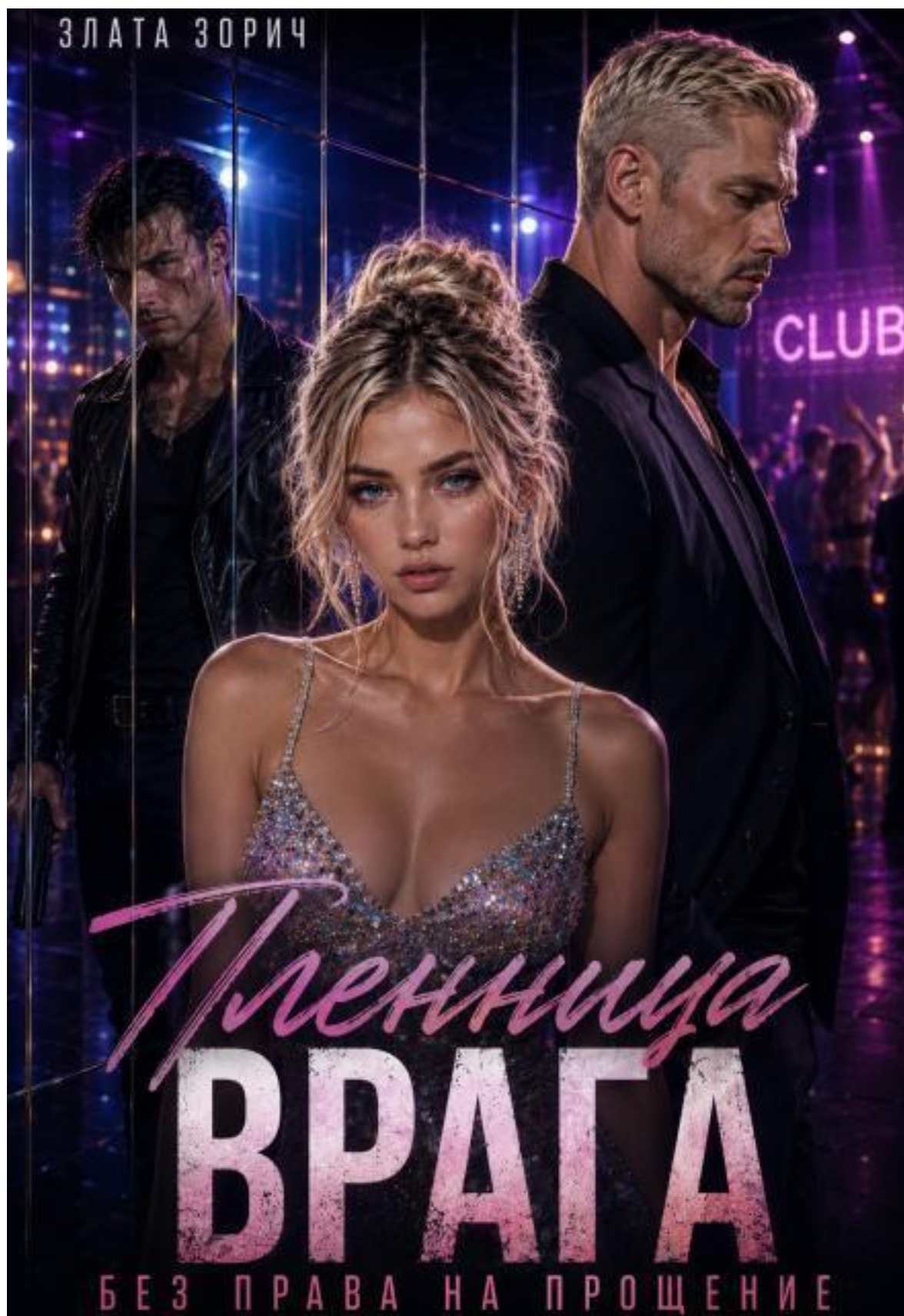

ЗЛАТА ЗОРИЧ

Гленица
ВРАГА

БЕЗ ПРАВА НА ПРОЩЕНИЕ

Злата Зорич

**Пленница врага. Без
права на прощение**

«Литнет»

2025

Зорич З.

Пленница врага. Без права на прощение / З. Зорич — «Литнет», 2025

Год назад Ник спас меня и исчез. Мне сказали, что он погиб... Я снова вышла на сцену, но теперь уже на сцену дорогого столичного клуба. Но однажды увидела его среди зрителей. Я думала, что он вернулся за мной, но... Оказалось, что от прежнего Ника почти ничего не осталось. А его враг использовал меня к себе как живой щит и увёз из города. Теперь я заперта в доме опасного бандита, который называет меня именем погибшей невесты, а Ник готов на всё, чтобы меня вернуть. Вот только с каждым днём я всё меньше понимаю, от кого из них мне действительно нужно спасаться...

© Зорич З., 2025

© Литнет, 2025

Содержание

Глава 1.	5
Глава 2.	7
Глава 3.	10
Глава 4.	12
Глава 5.	14
Глава 6.	16
Глава 7.	18
Глава 8.	19
Глава 9.	21
Глава 10.	22
Глава 11.	24
Глава 12.	26
Глава 13.	28
Глава 14.	30
Глава 15.	32
Глава 16.	34
Глава 17.	36
Глава 18.	38
Глава 19.	40
Глава 20.	41
Конец ознакомительного фрагмента.	42

Глава 1.

Я не помнила, в какой момент все-таки пересилила истерику и села за руль. Как выехала из моего проклятого города. Мне казалось, что ноги сами жали на педаль, руки держались за руль, а я была просто телом, пустой оболочкой, внутри которой не осталось ни одного живого места.

Метель усиливалась. Снежные хлопья били по стеклу так яростно, будто небо хотело стереть меня с земли.

Каждую минуту я ждала, что вот сейчас двигатель заглохнет, что дорогу окончательно заметет, что я просто вырублюсь от усталости.

Я не помнила, сколько времени провела за рулём. До Петербурга, вроде бы, не больше часа, но точно не сегодня. Не в этом ледяном аду.

Я старалась не думать. Не проваливаться в себя. Потому что если я позволю себе хоть на секунду подумать о том, что Ник остался там... Если позволю себе почувствовать хотя бы часть той боли, страха вины, что накопилось за последние сутки... Меня просто не станет.

Бездна была совсем рядом. Мне хотелось выйти из машины, лечь на снег — и уснуть. Было бы так просто — стать снегом. Раствориться. Исчезнуть. Это бы решило разом все мои проблемы.

И если я позволю себе слабость хотя бы на секунду — эта бездна поднимется внутри и поглотит.

Но я ехала дальше.

Судьба продолжала вести меня вперёд — туда, где неизвестность была не менее пугающей, чем всё, что осталось позади.

Петербург встретил меня холодом, пустотой и тишиной. Ни людей, ни машин на улицах. Только редкие фонари, словно маяки в этой снежной пустыне.

Я также не помнила, каким образом все-таки вырулила в нужный мне двор. Мы с Ником были здесь летом, а я приехала в разгар зимы. Все вокруг было завалено снегом, который делал дворы неузнаваемыми. Но интуиция — или что-то еще потустороннее — привела меня прямо под окна с мягким розоватым светом.

Кое-как припарковавшись, я откинулась в кресле, и только сейчас поняла, что всё тело мелко дрожит. Меня трясло. Не просто от холода — от всего, что было. От всего, что осталось позади. От крови на моих руках. От Ника, который исчез в ночи. От собственного страха. От осознания, что теперь я совершенно одна.

Я выбралась из машины и пошла — на автопилоте, как будто кто-то другой передвигал мои ноги.

Я поднялась на нужный этаж. Нажала на кнопку звонка. Никто не ответил. Ещё раз. Пусто.

Я уже развернулась, чтобы уйти — и тут дверь открылась.

Он был именно таким, каким я его помнила: невысокий, лысеющий мужчина с влажными глазками и омерзительно масляной улыбкой. Этот липкий взгляд, скользящий по мне слишком долго...

Но мне нужно было где-то упасть и закрыть глаза. Если не пустит в квартиру, то лягу прямо в подъезде.

— Алиса? — голос у него был сиплым, прокуренным. — А где Ник?

— Он не придет, — произнесла я, едва шевеля губами. — Вернее, он будет позже... У него осталось в городе одно дело.

— Значит... Ты совсем одна, да? Ну ладно. Ник мне все объяснил. Можешь пожить здесь пока, сколько хочешь. Проходи.

Я прошла за ним в погруженную в полумрак квартиру.

Несколько девушек сидели на кухне. Полураздетые, с потухшими лицами. Когда я вошла, они смолкли, перевели на меня взгляды — в них читалось любопытство, насмешка, подозрение.

Павел Петрович, как он сам назвал себя, открыл дверь в одну из комнат в самом конце коридора.

— Пока побудешь здесь, — бросил он. — Успокоишься — поговорим.

Дверь за моей спиной захлопнулась с глухим щелчком.

И ощущение, что я не спаслась, а просто добралась до другой ловушки, опустилось на меня липким облаком.

Глава 2.

Я упала на кровать, свернувшись на ней калачиком и уткнувшись в стену.

Где ты, Ник?

Ты должен был быть сейчас здесь, со мной. Взять меня за руку, чтобы сказать: «Всё кончено. Я всегда буду рядом»

Но ты бросил меня, потому что...

Захотел за меня отомстить? Не смог сдержать ярости, когда услышал о том, что он со мной делал?

Но я не хотела мести. Я хотела защиты.

Я бы прижалась к тебе. Легла на твои колени, а ты звал бы меня «мышка» и гладил по волосам. Ты бы закрыл меня своим телом от всего этого ужасного мира, и мне не нужно было бы думать ни о прошлом, ни о будущем. Я была бы почти счастлива.

Но ты выбрал другое.

Я хотела, чтобы Ник остался. Просто остался... живым. Потому что мой мучитель — он чудовище. С чего Ник вообще взял, что он сможет его победить? Он и так уже ранен. Едва держался на ногах, когда выводил меня из клуба.

Ради чего решил вернуться и бросить меня одну?

Чтобы сразиться с чудовищем, с человеком, у которого всё схвачено, а руки испачканы чужой кровью задолго до моей?

Ник не бессмертный. Да, он жестокий, упрямый, сильный — но куда ему тягаться с настоящим монстром?

Я не просила его мстить. Я умоляла его остаться.

Даже если мой мучитель сгорит в аду на моих глазах, мне не станет легче. Потому что я уже искалечена. Переломана изнутри так, что никто и никогда не починит. И то, что мой мучитель заплатит — не исцелит меня.

Я пыталась уснуть. Закрывала глаза. Считала вдохи. Но сознание подкидывало картинки — руки, которые тянутся ко мне и душат. Пол клуба, усыпанный разбитым стеклом. Бледное лицо Ника. Его кровь на моей груди. Метель, в которой исчезла моя последняя надежда.

Все усугублялось еще и тем, что стены в этой квартире были картонными, почти прозрачными. Всё, что происходило по ту сторону, я слышала так же ясно, как будто находилась с ними в одном помещении.

До меня доносились звуки «работы» — стоны, шлепки. Эти звуки были со мной всё время, даже когда я проваливалась в короткий, беспокойный сон. Они стали омерзительным аккомпанементом к моим воспоминаниям.

На следующее утро я проснулась с резкой головной болью. И сразу же поняла — что-то не так. Перевернулась на другой бок, приоткрыла глаза и увидела на своей кровати девушку. Худая, даже тощая, с коротко стриженными волосами и смуглым лицом.

— Ты девушка Ника? — произнесла она, с любопытством меня разглядывая.

Я с трудом села и потёрла глаза.

— Как ты сюда попала? Я... я же вроде закрыла комнату...

— Ты правда думаешь, что здесь есть двери, которые запираются изнутри? — усмехнулась она и неожиданно добавила: — Я, кстати, вспомнила тебя. Ты же приходила тогда с Ником, да? Меня кстати Мия зовут. Можно просто Маша.

— Очень приятно, — бросила я дежурное.

— Значит, ты та самая, которая разбила ему сердце? — произнесла она с легкой насмешкой. — Ник тогда приперся сюда пьяный в хлам. Ругался, что всё пошло к чертовой матери из-за одной... — она смолкла на полуслове.

— Это точно не про меня.

— Ну да, конечно. Ты, кстати, совсем не такая, какой я представляла. Ничего особенного. Самая обычная.

Девушка легла на бок, подперла голову рукой.

— Знаешь... а ведь я тогда его утешила. Когда он явился сюда... Такой растерянный. Ник — и растерянный! Ты представляешь? Но, когда я легла с ним, ему сразу стало полегче.

— Рада за вас. А теперь можешь, пожалуйста, уйти?

Девушка прикрыла глаза, смакуя свою сомнительную победу.

— Жаль тебя... Ты даже не представляешь, что ты потеряла.

— Выйди, пожалуйста, — произнесла я снова.

Когда она дошла до двери, я всё-таки не удержалась:

— Подожди... А... А одежда какая-нибудь у вас есть?

Оде я просить не решилась, полагая, что это будет слишком нагло. Но и на эту скромную просьбу она только хмыкнула. И сразу вышла, притворив за собой дверь.

Я села на кровати, подтянула колени к лицу и закрыла глаза. Боль в животе всё отчётливее напоминала о том, что я ничего не ела уже два дня.

Когда я почти смирилась с тем, что мне придется умереть здесь от голодной смерти, дверь слегка приоткрылась. В комнату заглянула та же девушка — в одной руке у неё был свёрток с одеждой, в другой тарелка с заветренными бутербродами.

Всё это она поставила на полу у двери, как для собачки, и выскользнула обратно в коридор.

Еда казалась безвкусной, почти резиновой, но я всё равно съела всё до крошки — нужно было как-то выживать. Вещи, что принесла девушка, были старыми и уродливыми, но всё же лучше тех, что было на мне. По крайней мере, на них не было засохших пятен чужой крови.

Так, в убийственном неведении, прошло несколько дней. Я даже не могла никому позвонить, потому что Ник запретил мне, и я боялась, что своими попытками выйти с ним на связь сделаю только хуже.

Наступил Новый год. Я могла бы сказать, что это худший Новый год в моей жизни, но, кажется, почти все они у меня были довольно погаными. С того момента, как исчезла мама.

Я сидела у окна и слушала, как где-то внизу гремит музыка, как кто-то на улице кричит «ура», как хлопают салюты. В атмосфере всеобщего праздника и веселья особенно остро ощущалось насколько я одинока. Запертая в этой крошечной комнатке в питерском борделе, как в тюрьме.

Ник не звонил.

Новогоднее затишье закончилось, город вернулся к привычной жизни, а с ним вернулся поток клиентов. Работа в борделе закипела с новой силой. Девочки работали, не покладая рук и остальных частей тела.

Где-то на задворках этой движухи затаилась я. Искренне надеясь, что про меня забудут.

Но хозяин каждый день заглядывал ко мне с одним и тем же вопросом — не звонил ли мне Ник.

— И чего ты тут сидишь? Такая молодая, здоровая... — сказал он однажды. — Знаешь, сколько я теряю в день из-за простоя этой комнаты?

А потом тихо добавил:

— Мои терпение не резиновое.

Я понимала, что дольше оставаться здесь нельзя. Но все же до последнего надеялась, что в один из дней на пороге внезапно появится Ник. Мы же договорились с ним именно здесь встретиться. Если я уйду, как он меня найдет? И куда я пойду без копейки в кармане?

Уже через пару дней я пожалела о том, что вообще когда-то сюда пришла.

Дверь с грохотом распахнулась, и в комнату ввалился Павел Петрович — в доску пьяный. Лицо красное, глаза мутные.

— Водить умеешь?

Я застыла на месте от страха

— Водить, сука! Руль держать можешь? — мужчина перешёл на крик.

Не смея спорить с ним, я лишь коротко кивнула.

Он выудил из кармана связку ключей и с размаху кинул мне на кровать.

— Отвези девочек на вызов. Я... — он покачнулся, схватившись за дверной косяк. — ...не могу сегодня. Мне что-то нехорошо. Подменишь меня, поняла? Хотя какая-то будет от тебя польза.

Не дождавшись ответа, старый сутенер с трудом выпрямился и, шаркая ногами, покинул комнату.

Глава 3.

Я взяла ключи, оделась и вышла на улицу. Вести мне предстояло старенькую легковушку — куда делась дорогая машина Ника, я боялась спросить.

Я плохо знала город, едва умела водить, да и водительских прав у меня не было. Но спорить с хозяином было страшно. За отказ он мог просто выгнать меня на улицу в эту морозную ночь.

Каким-то чудом мы без приключений добрались до нужного места — оказалось, что это совсем недалеко. Я притормозила у нужной парадной, и девушки выскользнули наружу. Позвонили в домофон, что-то весело прощепетали, и им открыли. Дверь подъезда захлопнулась — всё, доставка выполнена.

Но едва я успела с облегчением выдохнуть, как дверь снова открылась, и девушки высыпали обратно на улицу с растерянными лицами. За ними свышли несколько полицейских. Один из них подошел ко мне и постучал по стеклу.

— Контрольная закупка, — произнес старший из них с явными нотками ликования.

Девушек подвели к машине и начали неторопливо защелкивать на них наручники с такими победоносными лицами, будто только что поймали страшных преступников.

Мне казалось, что я нахожусь в каком-то дурном сне — я даже поморгала, пытаюсь проснуться. Но, к сожалению, реальность никуда не исчезла, и мне пришлось выйти из машины и тоже позволить им себя арестовать. На мои руки легли холодные металлические браслеты.

— Задокументирован факт оказания платных интимных услуг, — резюмировал полицейский.

Потом нас всех загрузили в синий «бобик» и повезли в отдел.

Я могла думать только об одном — сейчас меня оформят, и можно считать, что я засветилась. Как скоро мое местоположение станет известно *ему*?

Не имеет значения, что я сменила город. С его связями можно достать кого угодно и где угодно. Когда ему донесут, что я здесь, он вернется за мной.

Меня затошнило от страха.

Когда оформление закончилось, нас перевели в маленькую комнату с решеткой на окне. В ней сконцентрировалось всё то, что город старался смести со своих улиц: проститутки, бомжи, карманницы.

Я села на лавку и прикрыла глаза. Старалась думать о главном: мне нужно срочно уехать из Петербурга. Как можно дальше — туда, где он не сможет меня найти.

Павел Петрович явился только под утро, с большой пачкой денег, призванной всех выкупить нас.

Когда мы все вышли из полицейского участка к машине, он приказал мне сесть на переднее сидение рядом с ним. Всю дорогу он орал на нас, покрывая изошренным матом. Он был в бешенстве из-за того, что нас поймала полиция, и кричал об ужасных убытках, которые он потерпел из-за нашей глупости. Правда, в чем именно заключалась наша глупость, я так и не поняла.

Потом он переключился конкретно на меня. Орал, что от меня одни проблемы и убытки, что всё, с чем он возился, полностью себя не оправдало.

— Ник... он не приедет, — бросил он в бешенстве. — Если бы мог, приехал бы давным-давно... Я всё разузнал. Навел справки. Там всё плохо. Какая-то серьезная заваруха. Он пропал — либо сел, либо сдох. Он за тобой не придет.

Последняя фраза прозвучала как приговор. Как пощечина. Будто меня изо всех сил ударили по голове. Я вся сжалась.

— Но ничего... Я найду тебе применение. Будешь работать, как другие девочки. Пора отдавать долг за крышу над головой и еду. А я... я попробую тебя первым. Оценю, что ты уже можешь, а чему тебя стоит поучить...

Глава 4.

Ник за мной не придет. И сейчас он...

Да, нужно смотреть правде в глаза — возможно, он уже мёртв.

Весь мир сконцентрировался в одной точке — безумной, разрушительной боли. Это я его убила. Только я одна виновата во всем.

Мне казалось, что меня сейчас просто раздавит этой болью, как многотонной плитой. Все вокруг просто перестало существовать. Исчезло, вместе с Ником.

Я даже не почувствовала, как мерзкая, липкая рука легла на мое бедро. Как тепло чужой ладони пронзило тело.

Если Ник мёртв — значит, всё кончено.

И теперь никто меня не спасет.

Не смея вырваться, не смея подать голос, я стиснула зубы и закрыла глаза.

— Ты чего, заснула, а? — Петр Павлович грубо толкнул меня в бок.

Он резко вывернул во двор, припарковался так, что колесо заехало на бордюр. Заглушил мотор, выругался и вылез. Я последовала за ним.

В квартире девчонки сразу разбежались по комнатам, не желая попасть под горячую руку злого сутенера. Он снял куртку, тяжело выдохнул и посмотрел на меня, растерянно застывшую на пороге.

— Не просто же так я тебя кормил...

Он ушел на кухню, а я облокотилась о стену и сползла на пол.

Ник. Его голос. Его глаза. Его руки.

«Он либо сел, либо сдох...»

Из-за меня.

Я начала задыхаться.

И чтобы выдержать себя из состояния подступающей панической атаки, резко встала на ноги.

Пришлось напомнить себе о том, что здесь оставаться больше нельзя. Нельзя ждать, когда за мной придет Ник. Нельзя верить. Нельзя надеяться.

Надо уходить. Сегодня. Сейчас.

Павел Петрович сидел, развалившись в кресле, уже с очередной рюмкой в руке. Когда я вошла, он повернулся, уже собираясь выдать очередную порцию претензий в мой адрес, но я опередила его.

— Хочешь меня? — спросила я спокойно. — Так возьми. Прямо сейчас. Зачем тянуть?

Он опешил, а потом лицо его расплылось в самодовольной ухмылке.

— Вот это по-нашему... — протянул он, медленно вставая. — Наконец-то дошло, где твой хлеб мажется... А я уж думал, ты у нас вся такая гордая.

— В мою комнату, — шепнула я. — Там будет удобнее.

Он пошёл за мной, довольно хмыкая. Зашел в комнату, плюхнулся на мою кровать и начал расстегивать рубашку, облизывая губы.

Я подошла ближе. Отвращение всколыхнулось в груди, подкатило комом в горле, но мне сейчас было не до него. Нужно до конца отыграть сцену.

Его рука тут же легла мне на бедро. Вторая — полезла навверх, под кофту.

— У-у-ух... — он захрипел от удовольствия. — Вот теперь ты мне нравишься больше...

Я сдерживала рвотный позыв, отвращение, желание ударить. Села на него сверху.

— Ну вот, другое дело... — пробормотал он. Руки снова потянулись ко мне. Пальцы вонзились в бедра, в спину.

Я использовала несколько заученных приемов из стриптиза — толкнулась несколько раз бедрами, потерлась грудью о его лицо. Когда он поплавился, провела ладонью по его груди, наклонилась ближе к уху и прошептала:

— Подожди минутку. Мне надо... ну, ты сам понимаешь... почистить перышки. Я же провела ночь в полицейском участке... Я быстро. Просто хочется, чтобы тебе всё понравилось. Ты же любишь, когда красиво? — прошептала я, опускаясь чуть ниже. Пальцы скользнули по его груди.

Он замычал недовольно, но махнул рукой.

— Быстро только. А то я щас сам на тебя полезу, без всяких перышек.

Я вышла из комнаты и выдохнула резко, как будто вырвалась из толщи воды.

И сразу же придвинула к двери тумбочку, стараясь действовать бесшумно. Потом туда же стул. Всё, что под руку — к двери. Закрыть его. Заблокировать.

Руки дрожали так сильно, что я не сразу смогла попасть в карман его куртки. Наконец — нащупала конверт. Запасной конверт на тот случай, если предложенных полицейским денег окажется недостаточно.

Я сунула его за пояс штанов.

— Даже не думай, — раздалось вдруг голос совсем рядом.

Мия — которая Маша — наблюдала за мной из-за угла в полумраке коридора. Ее глаза блеснули злобой. Она подлетела ко мне, схватила за руку.

— Даже не думай сбегать, слышишь? — прошептала она. — Я всё видела. И если ты думаешь, что оставишь меня в этом аду...

Вдруг раздался стук. Резкий, тяжёлый стук с другой стороны коридора.

Глава 5.

— Чёрт... — выдохнула я.

Теперь он уже не только колотил в дверь, он кричал:

— Ты чё творишь? Открой немедленно! Я тебе ща такое устрою!

Сутенер пытался открыть дверь изнутри, но тумбочка держала. Пока еще.

Лицо Маши побелело. В глазах — страх, такой же, как у меня.

— Возьми меня с собой, ты же обеща...

Я вырвалась. Резко, грубо. Так, что ногти полоснули по ее коже. Животный ужас толкнул меня вперед.

Вцепилась в его куртку, вывернула карманы, достала ключи. Грохот за спиной стал яростнее.

Я вылетела в подъезд в тот момент, когда дверь все-таки поддалась. Он уже вышибал мои баррикады.

Выбежала на улицу — и тут же услышала позади себя шаги. Маша догоняла. Упрямая, бешеная сука. Вцепилась в мою куртку, пытаюсь меня остановить.

— Не смей сбегать одна!

Я резко рванула вбок — ткань затрещала, и я вывернулась из рукавов. Но в ответ Маша повисла на мне всей тяжестью своего хрупкого тела, и мы обе упали в снег.

Холод впился в кожу, но я его не чувствовала. Мы сцепились. Я пиналась, царапалась, отталкивала.

— Ты должна взять меня с собой! — кричала она.

— Отпусти! — задыхалась я. — Дура, отпусти! Он нас обоих поймает!

И тут послышались шаги.

Он бежал к нам, как разъяренный бык. Рубашка нараспашку, глаза налиты кровью. Увидел нас. Замер.

— Стоять, суки! — рявкнул он.

Мы обе подорвались, как по команде. Сначала в разные стороны, потом снова почему-то оказались вместе. Две тени по снегу.

Кроссовки ужасно скользили по оледеневшему снегу. Каждую секунду я рисковала упасть и либо разбить себя голову, либо оказаться пойманной. Позади слышались проклятия, угрозы, потом грохот — он споткнулся, но с удивительной для человека его габаритов проворностью поднялся на ноги и снова побежал за нами.

Я не знала, куда бегу.

Дома казались одинаковыми, улицы — бесконечными. Маша вдруг резко свернула в арку, я метнулась за ней. Узкий проход вывел нас во двор, заставленный машинами, по периметру — глухой металлический забор и одна калитка. Закрытая.

— Куда?! — выдохнула я, оглядываясь. — Мы в тупике!

— За мной, — бросила Маша.

Она двигалась быстро, с какой-то внутренней картой в голове.

— Вон туда, — прошипела Маша и ткнула пальцем в узкий проход между домами.

Я больше не спорила. Просто бежала за ней.

Мы свернули за дом и замерли в тени подъезда, пытаюсь отдышаться.

Прошло несколько минут в томительном ожидании возобновления погони. Только потом я разрешила себе выдохнуть. Похоже, мы оторвались.

Я присела на ступеньку, обхватила колени, положила на них лоб. Голова кружилась. Казалось, что если я сейчас закрою глаза, то просто отключусь.

Маша прислонилась к стене, дышала хрипло, будто выкашливая легкие.

А потом — резко:

— Половину.

— Что?

— Половину бабок мне гони! Без меня ты бы не вышла. Так что давай, не тупи.

Я вскинулась:

— Ты офигела? Там и так немного совсем!

— Плевать. Делим — и дальше каждый крутится как может.

— Да пошла ты...

— А ты как думала? — огрызнулась Маша. — Каждый спасает свою шкуру.

Мне хотелось вцепиться ей в волосы. Хотелось ругаться, спорить, обвинять, но всё это требовало сил, которых у меня больше не было. Я достала из-за пояса конверт, вытащила примерно половину — может, немного меньше — и молча протянула ей. Она забрала, не пересчитывая. Мы обе понимали, что этих денег в любом случае не хватит надолго.

— Вот и славно, — кивнула она. — Теперь мы квиты.

Я поднялась.

— Куда ты? — Маша перегородила мне путь. — Куда теперь пойдешь?

Я пожала плечами.

— Куда-нибудь подальше отсюда...

— Я с тобой.

— С чего вдруг?

— А мне всё равно больше некуда.

Я просто кивнула.

Глава 6.

Мы приехали на вокзал, взяли билеты на ближайший поезд и к ночи уже были в Москве.

За всю дорогу ни сказали друг другу ни слова. Поначалу Маша еще пыталась завести со мной светскую беседу, но потом до нее дошло, что я, мягко говоря, не в восторге от нашего соседства.

Потому что в поезде я поняла, что потеряла свой телефон. Последний подарок Ника, та самая тоненькая ниточка, которая хоть как-то связывала меня с ним. Скорее всего, он выпал у меня из кармана куртки, пока мы с Машей дрались, катаясь на снегу.

Чтобы восстановить сим-карту, нужен паспорт, а у меня его нет. Кроме того, нужен хоть какой-то телефон, а у меня нет денег даже на кнопочный.

Теперь Ник точно никогда мне не позвонит. Даже если он жив. Даже если захочет вернуться.

Эта мысль убивала, лишала мое дальнейшее существование хоть какого-то смысла. Всю дорогу я отчаянно боролась с желанием придушить ту, которая стала причиной моей потери.

Значит, мне и правда придётся забыть о нем. Выбора больше не было.

Москва была другой. Огромной. Резкой. С равнодушными глазами.

Прямо там, на вокзале, мы начали искать себе пристанище. Листали на разбитом Машинном телефоне объявления о съеме квартир. Мне, большому счету, было всё равно. Главное — крыша над головой и отсутствие сутенеров, желающих меня завалить. И хотя бы пара дней тишины.

Наконец нашлось что-то подходящее — в спальном районе, на последней станции серой ветки метро. Квартира была ожидаемо ниже среднего: скрипящий липкий линолеум, облупленные стены, диван с провалившейся серединой. Газ едва тянет, горячей воды нет, окна промёрзли изнутри. Но зато почти две комнаты — владелица гордо назвала это «евродвушкой». По крайней мере мы с Машей могли не делить кровать, а разойтись по своим углам. Я точно оценила эту приватность.

Хозяйка внимательно осмотрела нас — очевидно, что мы не внушали ей доверия. Мы обе выглядели паршиво, а на мне зимой даже куртки не было. Но в конце концов обмен все-таки состоялся — мы ей деньги, она нам — ключи.

— Всё, добрались до цивилизации, — хмыкнула Маша, падая на кровать. — Почти люкс.

Те деньги, что остались у нас после побега, растаяли как серый февральский снег — быстро и без следа. Большую часть сожрала аренда и залог, остальное — продукты и проезд. Мы изо всех сил старались не тратить, но в Москве это бесполезно.

Каждое утро начиналось одинаково: с пустого холодильника и тупого вопроса «что делать дальше». Самое очевидное, но далеко не самое простое — нужно найти работу.

Мы ходили по собеседованиям. Я пыталась зацепиться за любую более-менее приличную работу, лишь бы не возвращаться на сцену. Но каждое "приличное" место на проверку оказывалось не очень-то приличным, каждый разговор с руководством заканчивался одинаково — заигрыванием или грязными намеками. Или зарплата — как подачка, или условия — как в тюрьме.

Пару раз удавалось взять смену в кафе — убираться после закрытия. Несколько раз я вышла официанткой в забегаловке, но после первых прикосновений клиентов — чужие, липкие пальцы ниже талии — ушла. Я слишком хорошо помнила, что последним, кто меня касался был Ник, поэтому любые прикосновения воспринимала чересчур болезненно. Да, потом меня пытался лапать Павел Петрович-сутенер и после этого, приехав в Москву, я оттиралась жесткой мочалкой под кипятком, но прикосновения Ника невозможно было этим стереть. Они отпечатались в сердце. Каждую минуту я все еще чувствовала его.

Маша по ночам подрабатывала «на телефоне» — болтала с мужчинами за деньги. Я слышала, как она щебечет в трубку, а потом отбрасывает телефон и долго лежит, уставившись в стену пустыми глазами.

Но это все было нормально, даже хорошо. Потому что заботы, беготня по собеседованиям и мысли о том, где бы достать денег на еду и сигареты отвлекали от неизвестности.

Где сейчас Ник? Жив ли он?

Днем мне удавалось не думать об этом, но ночью, когда за стенкой храпели соседи, а ветер завывал за окном, мысли все равно приходили, как бы я их не гнала.

Я прокручивала в голове наш последний разговор и мучила себя вопросом — неужели он и правда был последним? Он же обещал мне, что вернется, практически поклялся мне.

Так прошёл месяц.

Иногда я ловила себя на том, что вглядываюсь в прохожих. Слышу знакомый голос и вздрагиваю. Чувствую в метро, среди тысячи прохожих, его парфюм. Иногда — ищу его взгляд в толпе.

Головой понимаю, что он не может быть здесь, но страдающее сердце ловило каждый глупый, безнадежный шанс.

Иногда я говорила себе: "он умер", думая, что лучше смирение, чем беспросветная неизвестность. Надеялась, что так мне станет хоть немного легче, но легче никак не становилось.

Каждую ночь я дожидалась, когда Маша уснет, и брала ее телефон.

Это стало моей зависимостью, чем-то, без чего я не могла заснуть.

Новости. Пабрики. Форумы. Криминальные сводки. Всё, что связано с моим городом, который я, вроде бы, оставила далеко позади. Я смотрела, как течет та жизнь, в которой меня больше не было.

Что я искала? Не знаю. Что-нибудь. Что угодно. Любую деталь, самую маленькую зацепку, крошечный намек, который бы помог мне понять, что случилось с Ником.

Но находила я в основном жалобы на снег, который не убирают, жалобы на пробки на выезде, на нового мэра, на стройку в парке, на неудачный детский утренник. Фотографии многочисленных ДТП, на которых я искала машины, похожие на те, что были у Ника. Потом уже листала, не вникая, просто водила пальцем. Именно поэтому едва не пролистала заголовок, который ничем особенно не выделялся на первый взгляд.

«Пожар в многоэтажке со смертельным исходом»

Глава 7.

Я замерла. Текст плыл перед глазами, пока я читала.

«В ночь с пятницы на субботу в одной из квартир на улице Мира произошёл пожар. Следствие отработывает версию преднамеренного убийства и последующего поджога. Подозревается, что пожар возник уже после гибели — вероятно, чтобы скрыть следы преступления. Имя погибшего не разглашается, однако источники утверждают, что речь идёт о сотруднике органов внутренних дел, известном в регионе».

Телефон выскользнул. В голове — пусто, будто вырубили звук.

Я вспомнила, как Ник сказал мне тогда: "у меня есть неоконченное дело". Как в его голосе звучало что-то такое, чего я раньше в нём никогда не слышала. Какая-то убийственная, жестокая решимость.

К горлу подкатила тошнота. Эта новость не принесла ясности. Появилось только еще больше вопросов.

Действительно ли это он погиб, мой мучитель? Мог ли это сделать Ник? Если это был Ник — значит ли это, что он жив? Что с ним теперь? Где он? В тюрьме? Или в бегах? А может, он залег на дно, и мне действительно не стоит пытаться его искать?

Я перечитала статью еще несколько раз, испытывая странное, тяжёлое ощущение. Глухое осознание, что этот человек больше не существует. Всё, что он делал, больше никогда не повторится — ни со мной, ни с кем-нибудь еще. Он никогда меня не найдет. Его длинные руки не дотянутся ко мне из ада.

Я не чувствовала победы или облегчения. Только невыносимую, обжигающую горечь от того, что все это вообще случилось со мной. Это уже произошло, и никак не стереть, хоть он трижды сдохнет.

Когда я перечитала строчку: «Квартира на улице Мира» в пятый раз, я наконец осознала, что там же, на одном этаже, находится квартира, в которой живет мой отчим. И мой брат...

Если пожар был сильным...

Я снова схватила телефон, начала лихорадочно искать подробности. Что угодно — фотографии, комментарии, репосты очевидцев. Листала, прыгала по ссылкам, заходила в комментарии. Никто ничего не писал о других пострадавших, но и прямо — о том, что никто больше не пострадал — тоже ничего не было.

С каждым новым сообщением внутри нарастал ужас.

Я поняла – мне нужно самой поехать туда, чтобы понять, что на самом деле случилось. Увидеть собственными глазами его обожжённую квартиру. Убедиться, что с братом все хорошо. Попробовать разыскать Ника.

Но на поездку туда мне нужны деньги, которых у меня так и не прибавилось с момента переезда.

Приняв внутри себя решение заработать их любой ценой, я открыла поисковик и вбила: "стриптизклуб работа москва".

Глава 8.

Долго смотрела на экран, читала отзывы, изучала фото. В основном танцовщиц набирали клубы, похожие на «Зажигалку». Туда идти я опасалась — мне не нужны дешевые стрипушники, в которых танец это лишь прикрытие для проституции.

Я выбрала самый дорогой, надеясь, что, по крайней мере, в элитных клубах все иначе. Вот только возьмут ли меня? Я явно не дотягивала до элитной.

И все-таки позвонила. Сразу, едва настало утро, даже не ложась спать. Спокойный голос администратора попросил скинуть фотки, а потом в сообщении пригласил на просмотр в ближайший выходной.

Клуб оказался не просто "дорогим" — он был словно из другого мира. Мраморные полы, вместо стен везде зеркала, мягкая мебель, театральная тишина в гримерке, охрана в строгих костюмах. Девушки, пришедшие на кастинг, выглядели как богини, сошедшие с глянцевых обложек.

Пока я ждала своей очереди на просмотр, возле меня стояли две подруги. Обе при полном параде: макияж с блёстками, юбки, больше похожие на пояса, туфли на высоком каблуке. На мне же — тёмные джинсы и куртка с чужого плеча. Я чувствовала себя неуместно в этом царстве страз и гламурного блеска.

Подруги переглянулись между собой, усмехнулись — не зло, а скорее скучающе.

— Новенькая? — спросила одна, с голосом прокуренной барби. — Первый раз здесь на кастинге?

Я кивнула.

— Ты в курсе, что сюда очень сложно попасть? Мы вот уже третий раз приходим и пока пролет...

Ее слова вселили в меня еще большую неуверенность. Если даже такие роскошных девушек не берут, то куда уж мне? Наверное, не стоит даже пытаться.

Одна из них — высокая, с тату на ключице — наклонилась ко мне и прошептала:

— Если действительно хочешь, чтобы тебя взяли, поговори с концертным директором.

— Ты же понимаешь, как это работает, — подхватила ее подруга. — Намекни на то, что ты его отблаговоришь.

— Намекнуть?

— Ну да. Не в лоб же такие вещи предлагать, — хихикнула первая. — Типа: "я хочу здесь работать, готова быть лояльной"... Он поймёт.

В этот момент меня вызвали, и я вышла через пыльные, тяжелые кулисы на сцену. Вокруг везде были зеркала, и я отражалась в них, множа свой образ. Пустой зал был погружен в полумрак. Только один мужчина сидел в первом ряду — высокий, в чёрной водолазке, с планшетом в руках. Просматривал анкеты. Он даже не поднял голову, когда я вошла. Я догадалась, что это и есть концертный директор.

— Алиса? — спросил он, листая. Эхо разнесло по залу его голос.

— Да.

— У вас есть опыт?

— Танцевальный?

— Ну да, вы ведь не на бариста устраиваетесь.

Я слотнула.

— Да. Я занималась с девяти лет. В танцевальном коллективе. У нас даже гастроли были... по городам. Маленьким.

Он наконец поднял на меня взгляд.

— Гастроли — это хорошо. А в каком стиле танцы? Народные?

— Эстрадно-спортивные. С элементами акробатики.

— Ну и отлично. Разминайтесь пару минут, потом я включу трек, а вы симпровизируете.

В этот момент свет над сценой полностью погас, зато вспыхнул один большой яркий круг. И я оказалась в центре этого круга. Танцевать было страшно. Я давно не выступала и сейчас не чувствовала сцены.

Но тело вспомнило. Через три минуты я двигалась так же легко, как почти год назад, на одном из последних выступлений с коллективом. Когда у меня еще были настоящие танцы, а не дешевый стриптиз.

Когда я закончила, он ничего не сказал. Просто кивнул и вернулся к планшету.

— Я просто хотела сказать... — начала я, испугавшись, что сделала что-то не так и упустила свой шанс, — что мне действительно очень важно здесь работать. Я готова быть... гибкой. Ну... Лояльной. Если потребуется.

Он поднял на меня глаза. Взгляд был не злым, а скорее холодным.

— Гибкой... — повторил он.

Я почувствовала, как лицо начинает гореть.

— Тебе кто-то посоветовал это сказать?

— Простите... — прошептала я. — Я просто подумала...

Он закрыл планшет.

— Я сам всю жизнь отдал танцам, так что могу судить... Ты хорошо двигаешься, отлично владеешь телом. Тебе не нужно намекать на какую-то особенную гибкость, кроме той, что нужна для работы у шеста. Здесь таких, как ты, совсем немного. Если бы решение было только за мной, я бы тебя взял. Но я могу только отсеять неподходящих. Окончательное решение всегда за владельцем клуба. Он лично проводит отбор.

Я молчала. Щёки жгло. При мысли о том, какой именно личный отбор может устроить этот самый владелец, стало не по себе еще больше.

— Возвращайся в примерную и жди, — бросил директор. — Тебя вызовут вместе с остальными, кто прошел во второй тур.

Глава 9.

Я просидела в переполненной гримерке несколько часов. Казалось, очередь из бесчисленных девушек никогда не закончится. Потом нам сказали раздеться до белья и выйти на сцену, которая была полностью залита белым светом, как операционная. Холодный прожектор высвечивал каждую деталь: макияж, кожу, походку, даже тени под глазами.

Нас выстроили в линию — и оказалось, что нас всего семь человек. Меня трясло от напряжения, хотя снаружи я держалась спокойно.

— Спину ровно, плечи — назад, — прошипела директор, отходя в сторону.

Мы застыли на сцене, точно сборище манекенов, и в таком положении неподвижно простояли около двадцати минут.

Мне хотелось уже выйти отсюда и покончить с этим с этим издевательством, но в этот момент с грохотом распахнулась дверь и в зал вошёл он. Хозяин клуба в сопровождении четверых охранников. Я безошибочно определила, что именно он здесь главный, несмотря на то что он был явно моложе всех остальных.

Высокий, в чёрной рубашке, острые скулы — первое, что явно бросалось в глаза. Но это было не главное в его облике. Главным была абсолютная, сшибающая с ног уверенность, которую он распространял вокруг себя. Он шёл как человек, который владеет не только этим залом, но и всеми, кто в нём стоит. А может быть даже не только этим, но и всем миром тоже.

Он остановился перед нами и начал неторопливо осматривать одну за другой: взгляд — быстрый, цепкий, точный. У кого-то задерживался на лице, у кого-то — на ногах. Кого-то сразу отбрасывал взглядом, даже не возвращался.

Когда дошёл до меня — замер.

А я смогла разглядеть еще одну деталь, которая делала пугающим его облик. У него были чёрные глаза. Не просто тёмные — чёрные. И какие-то холодные, невозможно пустые, как и все его непроницаемое лицо.

От его взгляда по моему телу расплзался холод.

Потом он прошёл дальше, сказал что-то директору и вышел. Все девушки почти одновременно выдохнули. В присутствии владельца почему-то всем стало не по себе, хотя он явно был хорош собой. Возможно, его даже можно было бы назвать красивым.

— Можете расходиться, — крикнули нам из темноты.

Я спустилась обратно в гримерку, оделась, собрала вещи, и, когда уже была готова уходить, зашел концертный директор.

— Тебя выбрали. Сегодня вечером — первая тренировка, будем ставить тебе номер. Потом выйдешь в график, начнешь выступать сначала в паре с кем-то, потом и одна.

— Я?... — до меня не сразу дошло что это значит.

— Он сказал: «шестую — оставить». Ты — шестая. Поздравляю.

Он протянул мне руку и крепко ее пожал.

Глава 10.

Через неделю ежедневных тренировок я вышла на сцену элитного клуба «Зазеркалье» в первый раз. Конечно, это был совсем другой уровень. Совсем не похож на типичный стрипклуб — скорее, на театр. Театр эротического танца.

Объявили моё имя — мое настоящее имя. После смерти мучителя, я уже не хотела его скрывать. И я вышла на сцену. В зале — полумрак, розоватый свет, дым от кальянов, шелест крупных купюр, которые должны к концу номера перекочевать в мои трусики. Музыка уже звучала, ритм бил в груди.

И тут я почувствовала его взгляд.

Не сразу — сначала возникло какое-то внутреннее напряжение, будто свет стал ярче, а дым удушливее.

Он сидел в глубине зала, в тени, за перегородкой, отделяющий основной зал от ВИП. Окружённый людьми, но будто один. И смотрел на меня. Хозяин клуба. Тот, кто выбрал меня из сотен прекрасных девушек, которые раз за разом штурмовали кастинг. Именно благодаря ему я сейчас здесь.

Я сбилась на долю секунды, потеряла ритм, но быстро взяла себя в руки. Я не имела права облажаться прямо у него на глазах.

Такой шанс в жизни дается один раз. Особенно таким, как я — без связей, без защиты, без поддержки. Один раз — и если срежешься, тебя просто выкинут.

Но от его взгляда мне стало не по себе.

Не потому, что он как-то неприлично пялился или что-то подобное — нет. В его взгляде не было пошлости. Он просто... смотрел. Холодно, внимательно. Это был взгляд усталого хищника. Не того, кто голоден — а того, кто слишком долго во главе стаи.

Этот странный взгляд так резко контрастировал с его молодостью, что мне впервые пришла в голову мысль, что за всем этим точно стоит какая-то трагичная история.

В ту ночь я благополучно выступила, и меня окончательно приняли в команду, поставили в график. Очень скоро я втянулась в эту работу.

Никто меня не трогал. Никто не приставал. Все обращались друг к другу вежливо, на "вы".

Я ходила на все тренировки и бесконечно репетировала. Оставалась днем после ночных смен — потому что после них было трудно уснуть, приходилось изматывать себя до изнеможения. Свет слепил. Грим тек. Спина болела. Но в этом всё было... что-то правильное.

На сцене я снова чувствовала свое тело. Контроль над ним. Я не была вещью или куклой, в которую можно поиграть. Я была почти что актрисой, пускай и без реплик.

Маша сначала очень обрадовалась моему трудоустройству и сказала, что гордится мной. Что я молодец. Что сама бы тоже так хотела.

Но к тому моменту, когда я, немного закрепившись на новом месте, предложила ей тоже прийти на кастинг, она начала исчезать по ночам. А потом вообще привела в нашу квартиру мужчину, хотя мы с ней с самого начала договаривались никого не водить. Сказала, что это её "хороший друг" и что он всего один раз переночует.

Он действительно провел в квартире только одну ночь, зато на следующую появился новый «товарищ». На третью ночь еще один. На четвертую — двое за ночь.

Когда я вспылила, Маша начала оправдываться:

— Да это все временно! Пока зима. Потом брошу. Весной, так и быть, схожу к тебе на кастинг.

Но мне было ясно как день, что никакого кастинга весной не будет. Несмотря на все мечты о лучшей жизни, которыми она делилась со мной, я понимала, что прошлое засасывает

ее обратно. И гораздо проще вернуться в проторенную колею, нежели начинать заново. Маше было проще вернуться туда, откуда она бежала.

Так в нашем доме поселился запах чужих мужчин.

Мы с ней никогда особо не говорили о прошлом. Только один раз в особенно паршивый день, когда выпили дешёвого вина. Она вывалила на меня все — тяжелое детство, пьющая мать, регулярно насилюющий ее отчим, побег из дома. Я рассказала свою историю. Так мы вдруг обнаружили насколько похожи, насколько близки наши жизненные пути — две девочки, которым слишком рано пришлось взрослеть. Мне искренне захотелось помочь ей, вытащить из трясины.

Но теперь я старалась держаться от нее подальше. С удвоенной энергией начала копить деньги — теперь нужно не только на поездку в родной город, но и на отдельное жилье. Домой приходила только спать. Иногда — не приходила вовсе. Оставалась ночевать прямо на диванчике в гримерной.

Регулярно просматривала варианты — убитые однушки или студии в доме общажного типа на окраине. Недорого, но всё равно больше, чем у меня есть. Я копила на поездку. Съёмная квартира пока никак не вписывалась в бюджет.

С Машей мы почти не разговаривали. Только по делу: молоко на верхней полке, батарея сдохла, ты не видела мой топ? Она демонстративно хлопала дверями, я — демонстративно молчала. После её возвращения «в ремесло» между нами выросла стена.

Но все-таки она почти перестала водить в дом мужиков, старалась чаще уходить сама. Я не спрашивала, где она была, она не спрашивала, зачем я сутками пропадаю на работе. Сожительство превратилось в сосуществование. И мне срочно нужно было выбираться.

Как-то раз она вернулась под утро. Пьяная, бледная, с пустыми глазами. Молча прошла мимо меня и упала прямо в одежде на кровать. Когда через несколько часов она очнулась и попросила принести ей воды, я заметила, что она вся избитая — синяки и ссадины прямо на лице.

Я выронила стакан из рук. Попыталась образумить ее, заставить испугаться того, что с ней делают, остановиться, оборвать все. Но в ответ на мои увещание она вцепилась мне в волосы и начала орать:

— Думаешь, ты лучше?! Думаешь, что ты лучше меня, да, стерва?

Я попыталась её оттолкнуть. Она ударила. Я ударила в ответ. Началась драка — нелепая, уставшая, полупьяная. Я боялась только одного — что на моем лице останутся отметины, и как мне тогда выходить на сцену? Меня не выпустят. Каждый раз перед выходом нас тщательно осматривали. Я тратила львиную долю своего заработка на уход.

На работу в тот вечер я пришла намного раньше, чем нужно. Лучше уж торчать в стрип-клубе, чем в квартире, которая плавно превращалась в притон. В гримерке привычно пахло тонким парфюмом и пудрой. Несколько девушек уже собирались. Одна из них бросила на меня взгляд:

— Ты тоже на яхту?

— На что?

Тут подошел концертный директор.

— Алиса, ты в списке. Сегодня работаем на выезде. Частное мероприятие для владельца. Закрытая вечеринка на яхте для его друзей.

Глава 11.

Это был полноценный теплоход-«ресторан» — белый, с лакированной палубой и лестницей, ведущей на верхнюю террасу. Нас встретили и без лишних слов провели в техническое помещение, чтобы мы могли переодеться.

Я стояла у зеркала, рисовала стрелки на глазах и думала только об одном: нет ли тут какого-то подвоха? Не будут ли подвыпившие гости к нам приставать? А если будут, можно ли будет отказаться? И повлечет ли отказ за собой последствия для моей работы? Я не могу себе позволить сейчас ее потерять...

Мы все вместе вышли в зал, и тут выяснилось, что от нас никто не ждет танцев — мы должны пить, веселиться и развлекать гостей, создавать своим присутствием праздничную атмосферу. И все это в полуголом виде. На сцене больше нельзя было спастись — да, здесь был установлен шест, но прямо на танцполе, где каждый мог до тебя дотронуться. Было полно мужчин — расслабленные, подвыпившие, в дорогих строгих костюмах, они тихо переговаривались, курили кальяны и разглядывали танцовщиц, которые вышли к ним. Нескольких сразу же подозвали, двух с ходу усадили на коленки, одну увлекли в медленный танец, который больше напоминал прелюдию. К нашему приезду гости уже хорошенько накатались, поэтому и вели себя более чем раскованно — уже скоро начали хватать девочек, дергать за костюмы, отпускать пошлые шуточки. Пока ещё всё было относительно в рамках, но я видела по их пьяным глазам — это надолго. И мне не хотелось быть рядом, когда начнёт срывать тормоза.

Я оглянулась, отыскивая выход — и сразу рванула к ближайшей двери, выскользнула за нее.

И оказалась на палубе.

Там было холодно. Пронзительный веченный ветер пробирал до костей. На мне только крошечное платье, состоящее из одних пайеток. Но я не могла заставить себя вернуться в зал. Решила, что буду стоять здесь столько, сколько выдержу.

Вдруг меня накрыло неожиданное воспоминание. Прошрое лето. Глубокая ночь. Я и Ник вместе стоим на набережной. Я смотрю за тем, как по Неве проплывают такие же яхты. Ник тогда взял меня с собой в Питер, заявив что ему нужен "эскорт". Познакомил меня со своим другом, представил как свою секретаршу, хотел похвастаться мной. У него были проблемы с бизнесом на ворованных тачках, и он несколько раз выходил на улицу, чтобы с кем-то поговорить. Мимо проплывало несколько катеров, с которых доносилась музыка, хлопки шампанского и прочее веселье. Мне тогда тоже захотелось когда-нибудь покататься на таком.

И вот теперь — та мимолетная мечта неожиданно сбылась. Я на яхте. Передо мной открывается прекрасный вид на ночной город. Шампанское льется рекой, играет красивая музыка, ярко горят огни.

И я полуголая, среди пьяных богачей.

Слёзы выступили внезапно, и я не успела их остановить. Горячие, неловкие. Я уткнулась лбом в холодные перила. Так долго не плакала, что, кажется, разучилась это делать.

И вдруг услышала, как дверь на палубу снова открылась.

Сразу выпрямилась, провела ладонями по лицу, как будто могла стереть следы рыданий за одну секунду.

На палубу вышел сам хозяин клуба. Сигарета в одной руке, бокал в другой, и его взгляд — прямой, пронзительный, от которого сразу захотелось отвернуться.

— Красиво, правда? — сказала я, выдавливая улыбку. — Мечтала когда-то оказаться на такой яхте. И вот — сбылось!

Я снова отвернулась к воде. Ветер стал ещё злее.

Я ожидала, что сейчас он отправит меня обратно в зал. Спросит, какого черта я здесь делаю. Как вообще посмела сбежать, ведь это моя работа?

Я вся сжалась, в ожидании ругани, но вместо этого он молча снял свой пиджак и накинул мне на плечи.

Я попыталась что-то сказать — как-то отшутиться, отблагодарить, объяснить, что не стоило. Но он посмотрел на меня так, что все слова застряли в горле.

— Мне тоже часто требуется уединение, — сказал он вдруг. — Так что могу тебя понять.

Он достал пачку, протянул мне сигарету, помог прикурить.

— Только не стой здесь слишком долго, иначе продует, — бросил он и неторопливо зашагал по палубе. — А вообще, можешь посидеть в капитанской каюте. Там гораздо теплее

Я кивнула, понимая, что мне ничего не заплатят за сегодняшний вечер. Все равно работать я уже не могла.

Какого же было мое удивление, когда утром, при расчете, мне выдали конверт, в котором денег было столько, что теперь мне вполне хватало на съем...

Однако, я выбрала другое — поездку в родной город.

Глава 12.

Я смыла свой сценический макияж, через которое проступило мое настоящее — грустное и усталое лицо. Сняла откровенный костюм и нырнула в растянутый, серый свитер.

Снова стала собой.

Я не стала заезжать на квартиру. Сошла с яхты и направилась сразу на вокзал.

Купила билеты, потом долго смотрела на конверт. Пересчитала деньги снова. Сумма показалась мне нереальной. Мне никогда не платили столько за одну ночь. К тому же, я не заработала этих денег, я их не заслужила. Я просто просидела, забившись в угол, всю ночь, вместо того, чтобы сиять, сверкать и улыбаться.

Но это не была случайность. Это было решение хозяина, и кто я такая, чтобы с ним спорить? Главное, чтобы он потом с меня не спросил. И я сейчас не про деньги.

Чем ближе становился родной город, тем сильнее всё сжималось внутри. В какой-то момент я даже проснулась от странной, фантомной боли. Посмотрела в окно, но тут же отвернулась — я знала наизусть эти пейзажи. Никаких приятных, ностальгических чувств я не испытывала. Словно смотрела не на родные места, а на выцветшие фотографии, которые уже не вызывают тепла — только тревогу.

Панельные дома, ржавые остановки, школа, в которой училась я, Даша и Ник, а теперь учится мой брат. Всё на месте. Ничего не изменилось.

Зато изменилась я.

Сначала я немного постояла под окнами своей квартиры. За тонкой занавеской на первом этаже был хорошо виден силуэт. Мой брат. Сидит на полу, как всегда — по-турецки, с поджатыми ногами, перед светящимся экраном телевизора.

Мне хотелось окликнуть его, чтобы он выглянул, увидел меня, узнал. Я представила себе, как загорелись бы его глаза, как его лицо осветила бы счастливая улыбка, но... Я осталась стоять под окнами безмолвным призраком, который не хочет, чтобы его присутствие обнаружили.

Потому что — ну что я ему могу сказать?

Я обещала его забрать. Поклялась, что самое позднее — весной.

И вот она — весна. Наступила. А забрать мне его некуда.

Ком подкатил к горлу. Я ведь тогда искренне верила, что смогу выполнить свою клятву. Всё мне казалось возможным, потому что рядом со мною был Ник. У меня наконец-то появился кто-то, кто защищал меня, заботился обо мне, всегда был рядом.

А теперь у меня нет даже собственного угла. Даже дивана, на который можно было бы уложить брата.

И как ему это все объяснить? Как признаться в том, что я не справилась?

Я не стала надолго задерживаться — самое главное, я убедилась в том, что брат в порядке. Пожар, если он действительно был в этом доме, точно его не задел.

Постояла ещё немного под окнами, глядя на его силуэт, мысленно обнимая и благословляя, и прошла к подъезду. К нему как раз направлялась женщина с сумками, которая открыла дверь, и я, не сказав ни слова, прошмыгнула следом.

Вот она, дверь прямо напротив моей — та самая. Квартира, где начинался мой личный ад. Когда-то я боялась даже смотреть в её сторону. Теперь же я, напротив, впилась в нее глазами.

Она была вся какая-то грязная, как закопчённая. На стене и потолке рядом — мутные, серые разводы. Следы копоты? Косяк обмотан скотчем, вместо замка — свежая металлическая петля. Стало ясно как день: пожар действительно был. Вот они, неопровержимые улики.

Я подошла ближе, прикоснулась рукой к этим черным языкам на стене. Копоть, такая же черная, как и мерзкая, грязная душонка насильника, осталась на моих руках.

Я повернула голову. Моя квартира была нетронута пожаром. Хорошая работа, Ник. Если это действительно сделал ты — хорошая работа! Жаль, что я вживую не могу тебе всего этого сказать.

Или все-таки...?

Тупая надежда, как раненое животное, тяжело шевельнулась в моей душе. Я не могла просто уехать отсюда и даже не попытаться его найти.

Глава 13.

Я вышла из подъезда и направилась к его дому. Шла, повторяя про себя: пусть он будет там. Пожалуйста. Я больше никогда и ни о чем не попрошу. Просто позволь мне его увидеть.

Пока поднималась на нужный этаж, в груди нарастало то странное, знакомое чувство, когда ты почти уверен, что не найдёшь того, кого ищешь, но всё равно продолжаешь идти — потому что, если не дойти до конца в этой игре, останется глупая надежда, которую уже невозможно будет вытравить.

Я остановилась у его двери, прислушалась. Никаких звуков. Ни шагов, ни голоса, ни даже скрипа пола. Эта квартира, всегда такая громкая и шумная, теперь онемела.

Я нажала на звонок. Один раз. Второй. Потом постучала. Сначала легко, потом громче. Еще громче.

Но только тишина была мне ответом.

Я прислонилась лбом к косяку и в последний раз изо всех сил стукнула кулаком в дверь — не из злости, а просто от бессилия.

Никогда не думала, что увижу эту квартиру и не услышу за ней ни шагов, ни шума, ни жизни.

Я сползла на пол, села, поджав ноги, уткнулась подбородком в колени. Подъезд тоже будто вымер — ни звука, ни движения, и всё это только подчеркивало: я здесь совсем одна.

Я не знала, что делать дальше.

Когда я уже начала замерзать, где-то совсем рядом шелкнул замок. Дверь приоткрылась, и кто-то вышел на лестничную клетку, шаркая тапками.

— Ты кого ищешь? — раздался хриплый голос.

На пороге соседней квартиры стояла та самая старуха, которая постоянно ругалась на нас. На шум, на громкую музыку, на бесконечные тусовки. У нее на балконе я тогда спряталась от обыска, который проходил в квартире Даши и Ника.

— Здесь... Тут жили... — выдавила я. Было трудно сформулировать мысль.

— Съехали они, — отрезала она. — Такой шум от них был! Хорошо, что убрались...

— А девушка? — спросила я. — Даша.

— Вообще все как-то разом исчезли. Я думаю — они в бегах. Ну, сама знаешь...

Я кивнула.

Она посмотрела на меня ещё пару секунд, как будто хотела добавить что-то, потом развернулась и закрыла дверь.

Я осталась сидеть на полу. Не потому, что не было сил встать, а потому что я не видела смысла. Да, было еще два места, в которые я должна была съездить, но интуиция подсказывала мне, что все эти поиски напрасны. Он не хочет, чтобы его нашли.

Сначала я поехала клуб, в котором работали мы с Ником.

Дверь была приоткрыта — видимо, шла уборка или кто-то из работников зашел раньше смены. Из глубины доносился шум — кто-то двигал мебель.

На выходе из подсобки появилась девушка. Лет двадцати пяти, с аккуратным хвостом и уставшими глазами. Она не узнала меня, а я ее.

— Добрый день, — начала я. — Я ищу одного человека... Он работает здесь. То есть раньше работал. Вы, может быть, слышали?

Она равнодушно пожала плечами.

— А кто у вас сейчас работает управляющим? — я продолжала наступать. — Я могу с ним поговорить?

— Девушка! — она перегородила мне дорогу. — Вы вообще в себе? Вы кто такая?

— Я раньше работала здесь...

— Я сейчас позову охрану!

— Позовите, вдруг кто-то из них меня вспомнит.

— Так, — девушка зло прищурилась, — идите отсюда. Мы закрыты вообще-то. Макар, выведи ее.

К нам подошел охранник, который тоже был мне совершенно незнаком. Неужели снова поменяли состав сотрудников? Значит ли это, что снова сменился владелец?

Я попыталась уточнить у девушки, кто сейчас владеет клубом, но охранник вытолкнул меня на улицу.

— У нас смена почти вся обновилась, — сказал он мне, когда мы оказались снаружи. — Почти никого из старых не осталось.

Ко мне пришла запоздалая мысль, что можно было бы поискать где-то Влада, но тут я даже не представляла, где надо начинать искать. Я ничего о нем не знала. Кроме того, он ненавидел меня и справедливо обвинял во всех бедах, которые произошли с ним и Ником. Вряд ли его отношение изменилось. Он точно не будет мне помогать.

Я поехала в стрипклуб не сразу. Сначала долго ходила кругами, пила кофе в пластиковом стаканчике, потом сидела на скамейке в сквере, пока пальцы не онемели от холода. Не хотелось туда возвращаться — слишком много паршивых воспоминаний. Но "Зажигалка" была, пожалуй, единственным местом, где я могла хотя бы спросить о Даше — она ведь работала там со мной. Если кто и мог знать, куда она исчезла, так это девочки или кто-то из менеджеров.

Прошло не так много времени, но мне казалось, будто я была здесь в другой жизни.

— Я ищу Дашу, — я обратилась к первой попавшейся мне на глаза девушке. — Она здесь работала. Вернее, может она и сейчас здесь работает. Я не знаю...

Девушка пожала плечами.

— Не знаю такую.

— Ну как же... Блондинка. Высокая. Она очень хорошо танцевала... Была здесь звездой...

— А, ты про эту... Блондинка с третьим размером? Так она вроде уехала.

— Давно? — впервые за время моих поисков я встретила кого-то, кто хоть что-то знал, поэтому вцепилась в эту ниточку.

— Не помню, — равнодушно ответила она.

— Ну постарайся вспомнить, пожалуйста...

— Уже, наверное, полгода как. Может, больше, может, меньше... Я правда не помню. Помню только, что всё как-то резко было, в один момент вещи собрала и свалила.

— А с кем уехала, ты не знаешь? — спросила я. — С братом? С Ником?

— Слушай, я вообще не в курсе. Я сама тут недавно. Может, кто из старых знает, но их сейчас никого нет. Только Кристина, но она в зале — и если туда пойдёшь, тебя охрана сразу выведет. У нас сейчас режим, без пропусков не пройти.

Я поблагодарила, хотя благодарить было, по сути, не за что, и вышла.

Глава 14.

На улице окончательно стемнело.

Мимо проехало такси, и я поймала себя на мысли, что даже не знаю, куда теперь ехать.

В "Зажигалке" — пусто. В квартире Ника — пусто. От Даши — ни следа.

Я приехала сюда как к последнему берегу — как будто если до него дотянуться, всё снова станет на свои места. Но город встретил меня равнодушно. У него не было ответов, которые мне нужны.

Я почувствовала, что надо уезжать. Решение пришло спокойно, без драмы. Просто как факт.

Нечего больше искать. Здесь всё закончилось.

Кроме одного.

Здесь осталось мое сердце.

Все эти долгие годы, пока надо мной издевались, только одна мысль поддерживала во мне жизнь. Я ждала. Ждала, что однажды появится кто-то, кто захочет меня спасти.

Что однажды отыщется прекрасный принц. Сильный, красивый, добрый. Он приедет на чёрной машине — или, если я слишком зачиталась сказками, на белом коне — и заберёт меня отсюда. И который за меня отомстит. Обязательно отомстит! Наказать тех, кто смеялся, когда я плакала. Кто делал мне больно, кто считал, что имеет право калечить моё тело и душу, отравлять мою жизнь.

На роль принца Ник подходил идеально. Он был как раз такой — красивый, уверенный, сильный. Его уважали, к нему тянулись. В него были влюблены все. И я тоже влюбилась, назвав его своим спасителем.

Кто же знал, что мое пророчество сбудется. Мой прекрасный принц отомстил за меня. И исчез. Будто исполнив свою функцию, он больше не имел права быть со мной рядом.

В моих фантазиях всё было иначе. Там после мести наступал долгожданный покой. Зло было повержено, и можно было дальше счастливо жить, дышать, смеяться. А в реальности всё оказалось не так. Мсть не принесла с собой света. Она только добавила тьмы. И унесла с собой Ника.

А я осталась одна.

С правдой, от которой хотелось бежать. С пустотой, которую ничто не заполнит. И с осознанием, что моя сказка сбылась — только это была совсем не та история, которую я рассказывала себе перед сном.

Я не знала, как жить дальше. Никто этому не учит. Все советы — как выбраться, как пережить насилие, как спастись. Но никто не говорит, что делать, когда спасение уже случилось, а ты стоишь с этим спасённым телом и не знаешь, куда его деть.

Я не чувствовала себя счастливой. Не чувствовала себя целой. Не чувствовала вообще ничего — только тянущую пустоту внутри, как будто из меня вынули часть, без которой невозможно существовать полноценно.

И всё же — надо было жить.

Не ради кого-то, не ради будущего, не ради надежды. Просто жить. День за днём. Пока это не станет привычкой. Или не перестанет быть пыткой.

Когда в поезде объявляли остановки, я напоминала себе: я еду в Москву.

Но внутри всё было глухо. Ничто не отзывалось на эту мысль. Я словно отходила от наркоза. Рядом люди, шум, движения — а сознание не включилось. Как будто по венам всё ещё гуляла анестезия, которая должна была отключить боль, а вместо этого отключила всё.

Я пыталась думать, составлять планы, вспоминать, какие смены у меня на неделе, как решить с Машей, как вернуть себе хоть какое-то равновесие. Но мысли не складывались в предложения. Просто глухое: «Теперь что?»

Глава 15.

Вернувшись в город, первым делом пошла в квартиру, которую выбрала, пока ехала в поезде. Квартира оказалась совсем крохотной. Я не знала, что бывают такие маленькие студии — кухня втиснута в угол, санузел размером с шкаф. Но всё это не имело значения. Зато — тишина. И никакой необходимости ни с кем разговаривать.

Недолго думая, я внесла задаток и поехала забирать вещи со старой квартиры. Маши, к счастью, дома не оказалось — мне совсем не хотелось с ней прощаться и что-то там объяснять. Не хотела, чтобы она знала, куда я съехала. Она была для меня последним осколком прошлой жизни, с которой я расставалась окончательно и бесповоротно. Я оставила ей записку, в которой просто написала, что съезжаю, и денег в счет уплаты моей части аренды. Потом собрала немногочисленные вещи и ушла.

В новой квартире мне было... Спокойно. И даже если это спокойствие было временным, даже если оно вскоре обернётся одиночеством — я не спешила от него прятаться. Я устала прятаться. Устала зависеть, терпеть, ждать.

Первое, что я сделала, когда вернулась в клуб — подошла к владельцу. Я долго собиралась с духом, но все-таки решила, что нужно обозначить границы. Но сначала, конечно же, надо поблагодарить. Некоторое время крутилась возле него, сидящем в плотном кольце охранников, не решаясь подойти. Потом сказала себе, что, если не сделаю это сейчас, не сделаю уже никогда. А я не люблю ходить в должниках. Даже если никто не попросит долг обратно.

— У вас есть минута?

Он оторвал взгляд от телефона и кивнул.

— Спасибо вам, — начала я. — Я хотела вас поблагодарить за тот вечер. За деньги. Это... было так неожиданно. Я действительно тогда не могла, просто не могла выступать... Я плохо себя чувствовала...

— Это тебе помогло? — холодно спросил он.

— Что? Простите...

— Помогли тебе эти деньги?

— Да, — призналась я. — Очень...

— Ну и славно, — он снова уставился в свой телефон, потеряв ко мне всякий интерес. Я неловко кашлянула, привлекая к себе внимание.

— Что еще? — он снова поднял на меня глаза.

— Я просто хотела, чтобы вы знали, — добавила я после короткой паузы, — что я ничего не... Я не воспринимаю это как аванс. Или как... намёк. В мою сторону.

Он удивленно нахмурил брови.

— Я ценю это. Правда. Но не хочу, чтобы вы подумали, будто я собираюсь каким-то образом отплатить. Ну... то есть...

Я сама запуталась в словах. Лицо горело. Хотелось вывернуться из этой неловкости, как из тесного костюма, но было уже слишком поздно. Я уже пожалела, что вообще завела этот дурацкий разговор.

— Для меня это не деньги, — сказал он тихо. — Я ничего за них не жду. Иди.

От его слов стало чуть легче, но еще более неловко.

— Извините... Просто хотела, чтобы не было недопониманий... — пробормотала я. — Всё, я ушла... Еще раз спасибо.

Я не знала, услышал ли он в моих словах то, что я хотела сказать. Но надеялась, что — да. С тех пор мы с ним ни разу не разговаривали. Ни одного слова.

Но между нами всё равно протянулась какая-то незримая связь. Как будто мы оба — чужие среди всех. Он, как и я, был из тех, кто не подпускает к себе никого ближе вытянутой руки.

Я не могла найти слов, чтобы объяснить это. Да и сама до конца не понимала, что общего может быть у стриптизерши и владельца элитного клуба, в прошлом, по слухам, бандита? В общем-то ничего не может. Мы всего пару раз говорили друг с другом, да и разговором это назвать нельзя — просто перекинулись парой ничего не значащих фраз.

Но иногда я ловила на себе его тяжёлый взгляд.

Год пролетел почти незаметно.

Я перестала ждать. Не в один момент, а постепенно. Как перестают ждать поезд, который задерживают уже три часа. Сначала злишься, потом сидишь в ожидании, потом просто встаёшь и уходишь.

Только внутри всё равно остается пустое место, как забронированное сиденье, на которое никто не пришёл.

Я начала новую жизнь.

Сначала казалось — у меня получилось. Есть неплохая работа, начали накапливаться какие-то деньги.

Но очень скоро эта свобода больше не казалась наградой. Скорее — очередной клеткой. Без решёток, без замков. Просто тишина, из которой нет выхода.

У меня так и не получилось подружиться с кем-то из девочек в клубе. Ни душевных разговоров, ни сплетен, ни откровений в курилке.

Да и я сама не рвалась к близкому общению. Понимала, что это рано или поздно приведет к откровенным разговорам, а я не хотела никому рассказывать про себя.

Отношения с клиентами клуба были запрещены, но было очевидно, что многие нарушали этот запрет. Кто-то, говорят, так даже вышел замуж. Мне тоже несколько раз тайно передавали визитки, но я ни разу не позвонила ни по одной. Бизнесмены, тусовщики, любители экзотики — все отправлялись в мусорное ведро. Без шансов.

Я не знала, это действительно мой выбор — или все-таки моё проклятье. Быть всегда одной. Ни с кем не сближаться. Никого не подпускать к себе.

Иногда я думала: а смогу ли я вообще когда-нибудь снова полюбить? По-настоящему — впустить в свое сердце, полностью открыться. Поверить, что он не причинит мне боль.

Каким должен быть мужчина, чтобы я позволила себе не притворяться перед ним? Кому я смогу рассказать, через что прошла — и остаться после этого любимой?

Наверное, такого мужчины просто не существовало.

И я приняла это — что я человек, который обречен всегда быть один.

Тогда я еще даже не догадывалась о том, насколько же сильно я ошибалась.

Глава 16.

Я пришла в клуб, как обычно, задолго до своей смены. Все-таки лучше лишний час побыть среди людей, чем в одиночестве в пустой квартире. И даже не обязательно разговаривать с кем-то — можно просто слушать чью-то пустую болтовню, которая всегда хорошо отвлекает от собственных грустных мыслей.

Девочки уже вовсю орудовали кисточками, нанося макияж. Натягивали чулки, перебирали корсеты. Кто-то уже крутился у зеркала, примеряя новый костюм.

Гримёрка была наполнена обычным вечерним гомоном — щёлканье помадных колпачков, хруст упаковок с ресницами, ворох голосов, переплетающихся между собой. Кто-то ругался на график, кто-то на клиентов, кто-то просто обсуждал новый фильм. Обычный вечер в гримерке столичного стриптиз-клуба.

Я стояла у зеркала, вырисовывая стрелки, когда где-то за моей спиной, в дальнем углу, раздался шёпот:

— ...говорят, у него серьезные проблемы.

— У кого?

— Да у босса нашего. Ты не слышала? Его же давно не было. А сегодня приехал.

— Реально? Он здесь?

— Ну да. Я видела, как охрана заходила снаружи...

Пауза. Чей-то смех. Кто-то выругался. Кто-то захлопнул футляр с тенями.

— Да нет, у него давно уже всё не так гладко, — продолжали за спиной. — Говорят, что в городе появились какие-то новые, совершенно лютые типы... Питерские. Жестят по полной. Хотят организовать передел рынка, и наш первым попал под раздачу.

— Питерские? Ха, ну тогда удачи ему...

Я не стала включаться в разговор, хотя при упоминании Питера что-то внутри неприятно кольнуло.

Владельца клуба действительно уже давно не было видно. Месяца два, наверное, а может и больше. Поначалу я ловила себя на том, что по привычке ищу его в переполненном зале, но потом перестала. Или перестала замечать, что продолжаю искать.

— А ты вообще в курсе, кто он такой? — сказала вдруг девушка, которая подошла к первым двум.

— Кто?

— Ну Алекс. Наш босс.

— Ну, типа владелец?

— Он не просто владелец клуба, девочки. Он по уши в этом во всём. Клуб — это просто фасад, отмывочная для грязных бабок. За ним, короче, такое стоит, вы просто не представляете.

— Ты откуда знаешь?

— А у меня уши есть. И свои люди.

— Ну и?

— Говорят, разборки у него будут. Типа кто-то ему дорогу перешёл.

— Ой, девочки, у меня от него мороз по коже, если честно, — к переговорам присоединилась четвертая. — Он какой-то жуткий. И глаза такие, будто... Если надо, он может одним взглядом человека убить.

— Слушай, ты сейчас реально страшать начинаешь... И мне тоже уже не по себе.

Я всё это слушала краем уха, продолжая краситься. Мозг автоматически цеплялся за звуки, чтобы не слышать себя внутри. Подобные разговоры частенько случались в гримерной. Кого еще обсуждать девушкам, если не владельца?

Про Алекса ходили слухи — разные, противоречивые, порой совсем дикие. Кто-то говорил, что он не так давно приехал в Москву из Европы, кто-то — что он сидел. Кто-то рассказывал, что у него была жена, которая умерла при странных обстоятельствах.

Пока танцовщицы продолжали делиться слухами и догадками, я накладывала на веки бронзовую тень и вспоминала. Владелец клуба, в котором я работала с Ником, тоже был втянут в какие-то разборки. И потом был убит.

История повторяется?

Или просто всё возвращается на круги своя, потому что я никогда по-настоящему не выбиралась из этой трясины? С этого дна жизни, где девушки зарабатывают телом, а мужчины убивают друг друга, пытаюсь поделить лакомые куски?

Раньше такие воспоминания бросали меня в дрожь. Достаточно было, чтобы в разговоре мелькнуло что-то, что косвенно напоминало о прошлом — и меня начинало трясти. Я вспоминала Ника. Его глаза. Его голос. Его прикосновения.

Я ждала, что сейчас внутри меня снова что-то дрогнет, но ничего не было. Ни злости, ни тоски. Словно тело отказалось проживать хоть какие-то эмоции. Защитилось, укрылось бронёй, и под этой броней я разучилась чувствовать.

Но ничего не чувствовать это точно гораздо лучше, чем страдать.

Не потому, что боль ушла. А потому что однажды я позволила ей остаться. Дала ей место внутри себя. И она уснула. Как зверь, которого не выгнали, а впустили и накормили.

Я посмотрела на себя в зеркало. Макияж был почти готов. Уже скоро мне пора выходить на сцену.

Глава 17.

Зазвучала моя музыка, и я вышла к зрителям из тьмы. С как всегда прямой спиной, пустым взглядом, и лицом, не выражающим ничего. Может быть, именно поэтому я так и не стала любимицей публики. Не была ни "кошечкой", ни "богиней огня", как другие девочки. Не играла ни одну из этих ролей. Просто делала то, что умею — механически отточенный танец.

Сладкий кальянный дым заполнял зал. Толстосумы в первых рядах шелестели купюрами, плотоядно облизываясь. Зеркала на стенах множили меня — в три, в пять, в двадцать отражений.

Я начала танцевать, но тут же шест выскользнул из ладони. Я едва не оступилась. Потому что в одном из зеркал, как вспышка, мелькнул взгляд.

Тот самый.

Сердце заколотилось в груди, на лице мелькнул испуг. Кто-то, может, и заметил, но я тут же продолжила, как будто ничего не произошло.

Потому что подобное случалось со мной не впервые.

Я уже видела его глаза — у прохожих, в окнах метро, в толпе, в спешащих мимо мужчинах. Узнавала. Замирала. Хотела броситься к нему. А потом накрывало горькое осознание — снова не он. Просто кто-то с похожим разрезом глаз, линией подбородка, изгибом бровей. Мозг дорисовывал недостающее сам, потому что мне очень хотелось когда-нибудь вот так случайно его встретить.

Я привыкла. Раньше каждый такой взгляд одним ударом вышибал из моих легких воздух. А теперь — ничего. Только лёгкий укол под рёбрами. И то — не факт, что это не просто от стягивающего белья.

Усилием воли я заставила себя перестать реагировать на этот подлый зрительный обман, выбивающий из-под моих ног землю.

Я крутилась у шеста, скользила по нему спиной, цеплялась ногами. Зал был погружен в полумрак, и видно было только первые два ряда. Всё остальное терялось в дымке.

Закончив вертеться, я опустилась на пол, раздвинула ноги, выгнулась, вытянулась на полу и подняла глаза — туда, в темноту зала.

И вдруг...

Снова поймала на себе этот чертов взгляд.

Но теперь — уже не в зеркале.

Он смотрел прямо на меня.

Сквозь дым, сквозь тьму, сквозь года.

Будто не было нашего обреченного прощания, этих бесконечных одиноких месяцев, этого московского холода. Не было всего того, что разделило мою жизнь на "до" и "после", что сделало само мое существование бессмысленным.

Я застыла на сцене, не в силах пошевелиться. Парализованная мыслью, что если это снова окажется обманом, то очень скоро мне будет невыносимо больно.

Сцена подо мной как будто дёрнулась. Чуть сместилась. Пошла трещинами под каблуками. Я даже не сразу осознала, что дышу ртом. Что грудь вздымается слишком резко, будто меня выдернули из воды.

Я не могла отвести взгляда.

Он был все тот же, но одновременно с этим совершенно другой.

Более резкое, словно высеченное из камня лицо, четко очерченные скулы, синяки под глазами и... шрам. Широкий шрам на скуле. Волосы короче. Лицо — будто обожжённое жизнью, но всё равно... родное.

Ник.

Мой Ник.

Он стоял среди посетителей клуба и смотрел на меня точно так же, как я на него — будто весь мир вокруг нас исчез.

Всё внутри меня сжалось до одной-единственной спасительной мысли: это сон. Это игра подсознания. Очередная галлюцинация, только слишком яркая. Слишком настоящая.

Но он шевельнулся. Губы дрогнули. Живой.

Я сорвалась со сцены, даже не думая о том, что нужно закончить номер. Да пропади он пропадом этот номер и эта сцена! Кто-то крикнул мне что-то вслед, но я уже не слышала. Мне было всё равно. Пусть оштрафуют. Пусть выгонят. Пусть сегодня же выкинут на улицу — мне было плевать.

Сердце билось где-то в горле. Ноги не слушались. Я кинулась ему на шею. Прижалась всем телом — к груди, к шее, к знакомому запаху его кожи, от которого у меня сразу закружилась голова. Мои пальцы судорожно сжались на его куртке. Я прижалась лбом к его щеке, губами к его шее, не зная, смеюсь я или плачу, потому что всё это нахлынуло одновременно.

Мир только что сделал невозможное — вернул мне его.

Я не осознавала, что вокруг — десятки глаз. Что продолжает играть моя музыка. Я даже не чувствовала своего тела — только сердце, которое било с такой силой, будто сейчас взорвётся, и тепло, которое расплзлось от его рук, от его дыхания, от одного того факта, что он — здесь.

Я не могла остановиться. Не могла оторваться. Как будто все эти месяцы, все эти дни, ночи, недели, в которых я пыталась выжить — всё это нужно было только ради этого мгновения.

— Ник... — сорвалось с моих губ.

Я прижималась к нему и повторяла про себя. Мой. Мой. Мой!

Он тоже притянул меня к себе. Его рука сдавила мое плечо, словно он хотел вжать меня в себя, спрятать, скрыть. Это было мгновение. Плотное, рваное, полное пульсации крови в ушах и жара его тела, по которому я так тосковала. Потом он наклонился, притянул меня за шею к себе так близко, что его губы коснулись моего уха. И тихо произнес:

— Вали отсюда. Сейчас же. Скоро здесь начнётся стрельба.

Глава 18.

Я не сразу поняла. Слова долетели до моего сознания с сильной задержкой. Секунда — и всё тело пронзило холодом. Он резко отпустил меня, и я, чтобы удержаться на ногах, шагнула назад.

И только тогда смогла рассмотреть его по-настоящему.

Широкий шрам пересекал бровь и спускался вниз, к виску — свежий, ещё красноватый. Второй — бледнее, на щеке, будто кто-то резал ножом с намерением оставить метку на память. И его глаза, его чудесные, прекрасные глаза... Они были не просто другими — в них будто не осталось ничего человеческого. Точнее, в них не осталось того мальчика, которого я когда-то любила.

Там был зверь.

Усталый, голодный, раненый. Такой, чей взгляд обжигает кожу.

И губы... Этот хищный изгиб, будто он вот-вот усмехнётся — и кому-то глотку перегрызёт.

Он схватил меня. Я снова оказалась в его объятиях — крепких, чужих, с прежней памятью и новой, пугающей силой. Как будто я — не человек, а что-то, что можно утешить, спрятать, уберечь.

— Иди, — повторил он жёстче. Не громко, но таким тоном, чтобы я не посмела ослушаться. — Закройся в гримёрке. Я за тобой вернусь, слышишь? — добавил он уже чуть мягче. — Я за тобой приду!

— Нет... — прошептала я. — Нет, я никуда не пойду!

Я вцепилась в него мертвой хваткой. Он хотел оттолкнуть — но я держалась.

— Я не уйду, — повторила, громче, срываясь. — Я не могу снова тебя потерять!

Он смотрел на меня в упор. Потом стиснул мои запястья — так чтобы по-настоящему причинить мне боль. Его пальцы впились в кожу. Я вздрогнула, пришла в себя. Будто очнулась.

Ник отстранился — резко, с рывком, будто сам себе не доверял. Как будто ещё секунда — и он не сможет меня отпустить.

Я попыталась что-то выговорить, но язык заплетался. Сердце колотилось так, что перекрывало все звуки.

— Не уходи, — прошептала я. — Прошу...

Он видел, что я всё ещё колеблюсь, но уже не стал ничего добавлять. Просто разжал руки, шагнул назад — и исчез. Слилс с толпой. Растворился в полумраке, как будто и не было его никогда.

Сначала я застыла — все во мне кричало о том, что я хочу пойти за ним. Потом внимание переключилось на запястья, которые нестерпимо горели. Они как будто напоминали мне о том, что я должна его послушаться. Сделать так, как он сказал.

Силой воли я заставила себя начать двигаться — и пошла через зал, как в тумане. Сквозь шум, свет, гул голосов, музыку, стробоскопы. Зал растекался перед глазами, как кадры чужого сна.

Кто-то окликнул меня — то ли из девочек, то ли из охраны. Я не разобрала. Просто шла вперёд, не отвечая, не замедляя шаг.

— Алиса? — кто-то вцепился мне в руку. — Что случилось? С тобой всё...

— Не трогайте меня, — выдохнула я и вырвала руку.

Я зашла в гримёрку, заперла дверь и, прислонившись спиной к холодной стенке, сползла вниз на пол. Снаружи грохотала музыка, наконец, включили следующий трек, но здесь она звучала приглушённо, как будто под водой.

Прошло минут десять, не больше, но мне казалось, будто прошел час. Ничего не происходило. Тогда я, опомнившись, встала и начала переодеваться. Ведь когда Ник придет, мне нужно быть готовой.

И вдруг — началось.

Кто-то закричал. Женский визг, резкий, надломленный. Затем ещё один. Грохот — будто что-то опрокинули или разбили. Я замерла. Шаги, топот. В клубе явно что-то происходило.

И вдруг меня осенило.

Всё это — уже было.

Так было тогда, в другой жизни, в другом клубе, в другом городе. Когда я закрылась в примерке, а Ник появился из ниоткуда, чтобы вырвать меня из лап монстра.

Сейчас всё было иначе — и я уже не та, и Ник необратимо изменился. Но всё равно — эта параллель болью отозвалась в груди.

Судьба дала нам ещё один шанс.

Сколько раз я прокручивала в голове сцену нашей встречи. Что я скажу. Что он скажет. Сколько раз я фантазировала: он возвращается, мы целуем друг друга и уезжаем куда-то далеко, туда, где нас никто не найдёт.

Но в реальности все оказалось иначе. Он увидел меня, когда я полуголая танцевала с шестом. Не было никаких слов. Никаких признаний. Только: *«вали. я за тобой вернусь»*. И я послушалась.

Я не знаю, кем он стал. Этот взгляд... Этот жуткий шрам на щеке, на брови. Ничего от прежнего Ника — снаружи. Но внутри... Внутри я всё равно почувствовала: он мой. Он всегда был моим. И всё, что между нами — это не история, которую можно забыть, стереть, переписать. Это яд, который один раз попал в кровь — и остался там навсегда.

Он стал другим, но и я уже не та Алиса. И если судьба дала нам этот шанс — я его не упущу.

В какой-то момент всё стихло.

Всё ушло, как будто клуб выдохся после грозы и замер в ожидании следующего разряда.

Я сидела на полу. Время тянулось липкой лентой. Я то вслушивалась, пытаюсь понять, что происходит снаружи, то замирала от собственного дыхания, будто даже оно могло перебить важный звук — его шаги, его голос, его стук в дверь.

Вдруг в коридоре действительно раздались шаги — быстрые, неуверенные, как будто кто-то еле шел, спотыкаясь. Потом вдруг — резкий, лязгающий звук, будто кто-то начал дёргать дверные ручки одну за другой. Паника? Или обыск?

Я резко привстала, вцепившись в край дверцы. Пульс ударил в горло, сердце затрепыхалось. Он? Это же он, правда?

Глава 19.

Кто-то дёрнул за ручку моей двери. С силой, будто хотел выломать.

— Ник?.. — я сорвалась на шёпот и почти машинально, не думая, приоткрыла дверь.

Я не успела даже вдохнуть, как его лицо... — стоп, нет, не его! — появилось в проёме.

Алекс.

Бледный и злой, взгляд настороженный, тяжелый. Полный какого-то нечеловеческого напряжения. Губы сжаты в одну тонкую линию.

Я отшатнулась, не веря своим глазам. Как будто вся надежда, которую я уже держала в своих руках, просто выпала и разбилась.

И тут я увидела на его белой рубашке под пиджаком — кровь. Размытые пятна, впитавшиеся в ткань.

Я застыла в проёме, и в следующее мгновение он резко шагнул вперёд.

— Отойди! — рявкнул на меня.

Я даже не успела понять, как именно — то ли он меня оттолкнул, то ли сам ввалился внутрь, — но меня отшвырнуло к зеркалу. Больно ударилась плечом о край гримерного стола. В этот момент его рука — тяжёлая, липкая от крови — скользнула по моему плечу.

— Что... что происходит... — прошептала я, не узнавая собственный голос.

Он захлопнул дверь с такой силой, что задребезжало стекло в витрине с косметикой. Закрылся изнутри, задвинул щеколду.

— Замолчи, — процедил он глухо.

Алекс тяжело дышал, опираясь рукой о стену. Кровь продолжала сочиться сквозь разорванную ткань на боку, образуя всё более широкое пятно, растекающееся по белой рубашке. Он не стонал, не кричал — только хрипел, будто каждый вдох изнутри царапал ему горло.

Я молчала, глядя на него. Всё происходящее казалось нереальным, сном, странным, болезненным видением. Но запах крови был настоящий. И пистолет, который болтался на поясе у Алекса — тоже.

Он вдруг покачнулся и с глухим стоном осел прямо на пол. Лицо стало еще более бледным, губы поджались. Он приложил ладонь к ране, зашипел от боли и скривился. Пальцы, мокрые от крови, дрожали. Я видела, как его трясёт. Возможно, совсем скоро он потеряет сознание.

Но он не терял. Он выпрямился, как мог, потом встал. Медленно. С усилием. Словно каждое движение отдавалось в его теле нечеловеческой болью. Но все-таки он выпрямился и шагнул ко мне.

Я замерла.

Алекс достал пистолет и навёл его точно в цель — прямо мне в лицо, без малейшего колебания.

— Ты выведешь меня отсюда, — отрезал он.

В его голосе мне послышалась странная обреченность. До меня дошло — он загнан в угол. И почему-то посчитал, что я — его единственный способ спастись.

— Ты мне поможешь. Иначе...

Он не договорил. И не нужно было. Всё, что он может со мной сделать, уже читалось в его леденящем душу взгляде.

Глава 20.

Этот взгляд пригвоздил меня к стене. Я стояла, не двигаясь, даже не понимая до конца, что вообще сейчас происходит. Всё менялось слишком быстро — минуту назад я ждала Ника, а теперь стояла, прижатая к стене дулом пистолета. Мерзкий, липкий страх разливался по телу. Мне казалось, что я даже не дышу.

— Я видел, как ты кинулась к нему, — сказал Алекс. Его горячее дыхание опалило мою щёку. — В моем клубе... моя стрипуха... к

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.